

МИР ШУКШИНА

НАСТОЯЩИЙ, подлинно большой художник не уходит из жизни. Он остается в своих творениях, все отдающих и отдающих людям мощные послы его сердца и ума, его боли и радости, его надежд и устремлений, его галланта...

Конечно же, это гризизм. Но куда от него денешься, думая о Василии Макаровиче Шукшине, чье творческое наследие, чей многоликий художнический образ столь прочно, столь широко и глубоко вошли в народное сознание и стали неотъемлемой частью духовного бытия, нравственного чувства современников. Его проза и драматургия, его сценарии и фильмы, его режиссерские и актерские работы редко когда действительны и активны. Они принадлежат всем и каждому. Они будоражат душу. Они зовут к размышлениям о жизни, к постижению и нравственному совершенствованию человека. Они, наконец, задают все новые и новые творческие загадки. И так естественно, что литературоведение, искусствоведение наше приступают к обстоятельному, капитальному осмыслению всего того, что Шукшин оставил людям.

Н. Толченова. «Василий Шукшин — его земля и люди». Литературные заметки. Алтайское книжное издательство. Барнаул, 1978. 208 стр. 80 коп.

Вот и еще одно серьезное исследование появилось в этом ряду — литературные заметки Н. Толченовой «Василий Шукшин — его земля и люди». Примечательно, что книга издана на Алтае, на родной сибирской земле Василия Макаровича. И само название монографии отчетливо определяет и подчеркивает, в каком аспекте, под каким углом зрения рассматривает, анализирует критик создания Шукшина — писателя, актера, режиссера. Именно анализирует — живо, страстно, стремясь понять и объяснить истоки Шукшина — человека, художника, гражданина, — а не просто пишет прямой биографический очерк, не просто дает этнографический срез шукшинского творчества.

«.. Нельзя до конца понять и узнать творческую природу Шукшина, не побывав в Сроствах и вообще не повидав Алтая». «.. Именно здесь, в Сроствах, не только разгадываешь многие шукшинские загадки, но еще и сердцем притрагиваешься к тому заветному, что породило, вызвало к жизни творчество Шукшина». Это исходная позиция критика. А вот конечный вывод книги: «Шукшинское наследие, рожденное Алтаем, могучей землей Сибири ... не имеет местного панциря; раскованно и свободно, с открытой душой выходит оно навстречу людям мира, чтобы волновать и радовать,

а главное — заставлять думать новые и новые поколения читателей».

Между этими двумя точками — начальной и завершающей — и лежит тот неспешный, многотрудный и, что очень важно, увлекательный исследовательский путь, который мы проходим вместе с автором книги. Путь по земле Василия Шукшина в расширительном смысле, ибо это не только земля алтайской деревни Сроства, где вырос он сам, но земля всех его героев. А ведь это — целый мир человеческий. Но при всем своем неповторимом индивидуальном различии — мир именно шукшинский. Во-первых, потому, что «сперва Шукшин воспринял свой мир от близких ему людей, от народа Алтая, Сибири, всей Руси, а потом вернул его нам, озабив чувствами и мыслями, столь благородными и человеческими в своей сущности, что их снова принял в свое сердце народ». А во-вторых, — и эту мысль Н. Толченова тоже убедительно проводит через всю книгу — в любом герое Шукшина, написанном ли, сыгранном ли, «мы видим его огонь, видим его самого во всю его нравственную мощь. Видим присущий ему характерный облик во всех без исключения его созданиях».

Книга Н. Толченовой привлекает и тем, что автор не распыляет шукшинские дарования по

полочкам. Человеческий и многогранный художнический образ Шукшина подается в слитном, поистине неразъемном. А всесторонний, детальнейший разбор его литературных, актерских, режиссерских произведений ведется комплексно, с целью показать, что их создание «являло собою единый, целостный, непрерывный процесс». При этом для критика, равно как и для нас, читателей и зрителей Шукшина, особенно дорого, что в искусстве своем он всегда оставался «тем, чем был в жизни, всюду никогда не казался. Не притворялся и не «изображал».

О многом, интересно пишет Н. Толченова, по-своему и всегда очень аргументированно толкая больше и малые, главные и эпизодические творения Шукшина, проникая в сокровенные их глубины. Порой она полемизирует с иными, нежели у нее, взглядами на те или иные шукшинские произведения, образы. И это только на пользу книге о Шукшине — он сам никогда не был бесстрастен, наоборот, всегда горел, и каждое его слово, написанное и произнесенное — суровое, громкое или ласковое, тихое — польхало жарким бойцовским пристрастием.

Но кто бы и о чем бы ни захотел поспорить с автором новой книги о Василии Макаровиче Шукшине, бесплорной и мудрой представляется та самая краткая формула всего им содеянного, к которой критик сводит смысл того, о чем говорил с нами Шукшин: «Человек нуждается в понимании. В человечности».

Н. ЛЕЙКИН